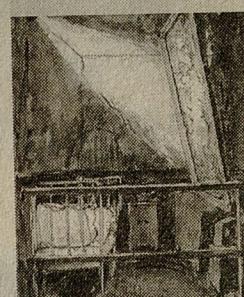

ПЕВЕЦ СОВЕТСКОГО УБОЖЕСТВА ОСТАЛСЯ В ПРОШЛОМ

В ЭРМИТАЖ ПРИЕХАЛА ВЫСТАВКА ИЛЬИ КАБАКОВА

Известия - 2004 - 24 июня - с. 9

«Больничный корпус и Мухи. Лечение картинами»

Илья и Эмилия Кабаковы — соавторы уже больше десяти лет

В Эрмитаже открылась выставка **Ильи Кабакова**. На ней представлены все значимые работы художника последних лет. Большинство — в виде эскизов и рисунков, плюс полномасштабная тотальная инсталляция «Случай в музее» и камерные «Жизнь в шкафу» и «Туалет в углу». Последние две — дар Эрмитажу.

АННА МАТВЕЕВА | Санкт-Петербург

Кабаков — отец-основатель московского концептуализма, главного художественного брэнда России второй половины XX века. Инсталляции Кабакова, посвященные тоске советских коммуналок, открыли западному зрителю неполитическую сторону советской власти. Так принято считать, хотя сам художник с этим не согласен. В 1989 году он переехал в Нью-Йорк и до последнего времени наотрез отказывался приезжать в Россию. Приезд Кабакова на открытие эрмитажной выставки стал не просто сенсацией — он говорит о том, что кончи-

лась эпоха. Эпоха советской власти и длительного выздоровления от ее травм. Счеты сведены, пришли другие времена. И сам художник другой — его новые работы посвящены абстрактным философским темам, очень современны и не имеют ничего общего с советскими реалиями. И зовут художника иначе: с середины 1990-х он работает в соавторстве с женой Эмилией и подписывается «Ilya&Emilia Kabakov». Певец советского убожества остался в прошлом вместе с СССР, перед нами совсем другой художник.

ЭМИЛИЯ КАБАКОВА:

«НАС РАЗДРАЖАЕТ, КОГДА ГОВОРЯТ, ЧТО КАБАКОВ — ЭТО ВСЁ СОВЕТСКОЕ»

Илья Кабаков принципиально не дает интервью. За него «Известиям» отвечает его второе «я», жена и соавтор Эмилия Кабакова.

— Эмилия, что произошло? Илья Кабаков неоднократно заявлял, что никогда не вернется в Россию, даже на день. И вот вы в России, на этой прекрасной выставке... Что повлияло на ваше решение?

— В Америке говорят «Never say never». «Никогда не говори «никогда». Сыграло роль любопытство: «Что же все-таки изменилось в стране, где я прожил почти всю жизнь?» Илье ведь было 55, когда он эмигрировал, это солидный уже возраст. И «я хочу посмотреть, что там происходит, ведь все что-то рассказывают, а я сам не видел». Он ведь художник, любопытство у него огромное. Ник Ильин (представитель фонда Гуттенхайма в Европе. — «Известия») беспрерывно приезжал к нам и предлагал что-то сделать в России. Убеждал, что это уже не Советский Союз, все изменилось. Ведь мы — как сын, который не хочет возвращаться в семью, где его никто не хочет видеть. Но когда тебе говорят: «Ну пожалуйста, приди, ты нам нужен» — думаешь, может действительно нужен? Но малейший негативный отклик... Я прячу сейчас от Ильи негативные статьи, потому что знаю: если я их покажу, он больше не поедет в Россию. А я думаю, может, мы приедем еще раз, в Москву.

— Уже больше 10 лет вы — соавтор Ильи Кабакова, ваше имя стоит рядом с его именем в подписи под всеми работами. Как вы работаете? Идеи новых произведений придумывает кто-то один?

— Это бывает по-разному, но в основном, конечно, идеи производит Илья. Илья профессионал. Он художник, у него невероятная фантазия, и он работает от фантазии, а не от реальности. Я тоже могу придумать что угодно, но я не художник, я музыкант, хотя много лет работала в качестве арт-дилера у Sotheby's. Однако у нас очень хороший союз в том смысле, что мы все делаем вместе: если какой-то проект или какая-то идея, мы обязательно советуемся. Я не умею рисовать, этого я не делаю. Все остальное мы делаем вместе: пишем, думаем...

— Илья Кабаков известен прежде всего как певец ужасов советского быта, коммунальных кухонь и ЖЭКов, как человек, который открыл Западу эти ужасы. Как чувствует себя ваше искусство сейчас, когда Советского Союза давно нет?

— Нас раздражает, что все время говорят: Кабаков — это всё советское. Это не так. Это общечеловеческая тематика. Вот, например, известная инсталляция «Туалет», где внутри известная туалетная сделана жилая комната — поставлены кровать, стол, висит люстра, по стенам картинки, семейные фотографии. Ее часто воспринимают как аллерию жизни советского человека, мол, русские живут в дерьме, в туалетах. Но об этом пишут только русские критики! А западные зрители воспринимают эту инсталляцию по-своему, один наш знакомый, кубинец, он в

этой инсталляции просто расплакался, потому что в детстве на Кубе он жил в точно такой же комнате. Кстати, все предметы интерьера, использованные в этой инсталляции, — фотографии, кровати, коврики — были куплены в Амстердаме и не имеют никакого отношения к России. Эти вещи везде абсолютно одинакового качества. В любой стране их можно найти.

Илья и раньше делал концептуальные вещи, которые не имели отношения к советской тематике, это были скорее экзистенциальные поиски. А сегодня у него возврат в 1960-е, 70-е, к белому, к глубине бумаги, к поверхности листа.

— Каковы ваши впечатления от сегодняшней России?

— Трудно сейчас об этом сказать, потому что все эти двадцать дней мы практически все время находимся в помещении музея. Конечно, здесь мы просто невероятно защищены от реальности. Пространство искусства — это тот коммунизм, которого невозможно достичь.

Когда мы идем по улице, мы, конечно, попадаем в какие-то ситуации. Да, это больше не Советский Союз. Это нечто другое, и я еще не могу точно сказать, что это. Какие-то отброски, отголоски, естественно, остались. И остались, кстати, какие-то положительные стороны. Люди в музее, например, очень тепло относятся к нашим работам и вообще к самому музею, говорят: «Это же наше! Это должно принадлежать народу». Осталась такая коллективная гордость — мы были Советским Союзом, это наше наследие, наше достояние заключено в музеях, мы не дадим это разрушить, пожалуйста, не трогайте, не разрушайте, не отбирайте у нас — ну, знаете, сейчас все дела с продажей памятников и замков. Мне очень нравится, что несмотря ни на что люди здесь невероятно теплые, невероятно живо реагируют, очень душевные, очень теплые люди. За исключением журналистов!

А журналисты пишут какие-то гадости, ничего они не знают и не видят. Я думаю, их позиция — «давайте будем циничны до того, как циничны будут с нами. Давайте заранее обрутаем всех и вся, пока кто-то не успел обрутать нас». Может быть, я не права, но думаю, что это так.

— А как вам с Эрмитажем работаете?

— Потрясающе! Вы просто не представляете, как к нам относятся люди, которые здесь работают. Все организовано абсолютно идеально, просто феноменальная организация. Например, вот перед вами модель «Дворца проектов», который мы построили в Эссене, мы привезли ее с собой. Когда в Петербурге мы открыли коробку, оказалось, что при транспортировке ее неудачно тряхнули, и модель была полностью разрушена. Одни осколки. Это было позавчера, в 4 часа дня. Пришли реставраторы Эрмитажа и за одну ночь восстановили ее! И все время, что мы здесь, происходит такое чудо, такие ангельские вмешательства, которые восстанавливают то, что разрушено злыми силами.